

ребенка, которой мучилась, печаловалась русская совестливость.

Знаком послевоенного искусства стал культ колорита, как высшего проявления живописности. Пластов органичен в темпераментной цветовой стихии, его мастерство не знает трудностей в передаче всего, в том числе и казавшегося не изобразимым (например, таких состояний воды, как переплетающиеся струи источника, падающие капли, становящиеся «черным» в яркий полдень зеркало родника и многого другого). Он, лучше других постигший законы живописи, смело «нарушал» их — летнюю зелень мог писать зеленым (в неизмеримом количестве оттенков), опасно приближался к запретной белизне белил и, как гений по Канту, делал то, что большинство считало недопустимым, и рождал новые законы.

Основу пластовской живописи

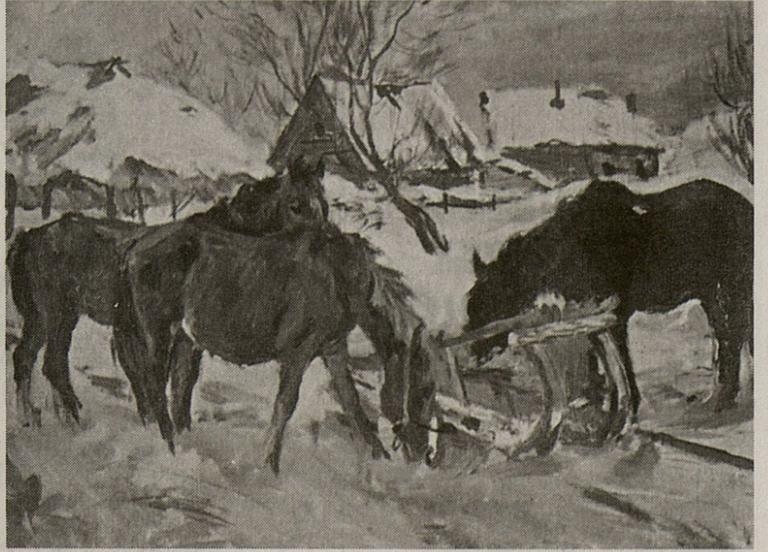
составляет бесконечие все пронизывающих и все связывающих рефлексивных, отвечающих за воплощение тончайших живописных интуиций и рождаемых ими переживаний. Об этом важно помнить именно сейчас, когда колорит подменяется умением пробирочно подбирать искусные расколорки. Собранные вместе, пластовские работы поражают неповторимостью каждой в цвето-тоне и жизненной бесконечностью цветовых гармоний.

Но наша современность все чаще проявляет черты бесчувственности. Мы стали свидетелями и юбилея Сурикова, и монографической выставки Пластова — событий особых, великих и, кажется, не должных пройти обычно незамеченными. Отчего же молчат наиболее мощные источники информационного воздействия, отчего в интеллектуальных изданиях появляются «смердяковские» статьи кухонных си-

дельцев? Это симптомы давно замеченного стремления к искоренению всех проявлений почвенной культуры, причем, не важно какой национальности — русской, французской, грузинской... Но ведь не случайно Пластов так любил тему родника-источника. Как ни пытайся его забыть, уничтожить, он обязательно пробьет свежей, жизнеспособной струей.

В русской культуре веками ковались камертоны, по звучанию которых самонастраивалась самодостаточно полноценная жизнь. Это камертоны-понятия и камертоны-имена. XX век добавил к ним имя Аркадия Александровича Пластова. Как жаль, что Пушкин, Лесков, Достоевский... не прочли Шолохова, Суриков не увидел картин Пластова. Их, несомненно, покоила бы радость, что потомкам дано длить несконную нить отечественной культуры.

С. ГАВРИЛЯЧЕНКО

А. Пластов. Зимой. Лошади. Сер. 1930-х гг.

получили развитие многие традиции и принципы культуры прошедшего века. И вот я мысленно пытаюсь поставить Аркадия Александровича с разными художниками, очень великими: а удержится его творение на одной стенке с картинами Рембрандта? Вы знаете, вполне удержится. Если его рассматривать в одном контексте со школой Венецианова, я думаю, не только удержится, но может многие вещи будут и сильнее, поточнее, поправдивее, поострее, хотя Венецианов — это величайшая фигура в нашем искусстве. Но он по условиям своего времени не смог сделать того, что сделал А.А. Пластов. Рядом с Репиным, рядом с Курбе он будет своим художником.

Мне кажется, А.А. Пластов — выразитель совершенно иного нового типа красоты. Есть такое понятие: красота как правда жизни. Стилистически эти категории правды и эстетики взаимодейственны. Поэтом для меня лично Аркадий Александрович самый правдивый художник и по-своему самый красивый.

Мощь творческого метода Пластова заключается в том, что ему подвластно все, не только зрительное впечатление от природы, но и запахи земли, разнотравья, звуки... У Пластова все слышно, так же как, например, в левитановском «Вечернем

звоне». Каким-то образом через пластический акцент он умеет закодировать и эти ощущения. Ценно не только то, что он передает предметные признаки природы, но его картины дают мощный поток социальных представлений. Они как бы охватывают жизнь с разных сторон. Через пластику А.А. Пластова можно зримо представить, как люди жили, какое было их внутреннее состояние. Жили они по-своему нравственно очень достойно, бедно материально, но с другой стороны, может быть, эта жизнь была и в духовном смысле по-своему прекрасной. Я думаю, сегодня метод А.А. Пластова становится все более и более насущно актуальным. Потому что современное реалистическое искусство в наше время стоит перед очень важной проблемой: заново познать во всех гранях противоречий и сложностей современную жизнь в нашу сложную неясную переходную эпоху. Сразу обобщить ее не удастся. Она непонятна. Она ускользает. Ее сейчас невозможно вместить в какие-то обобщающие рамки, категории. Поэтом те художники, которые возьмут на вооружение для нашего искусства наследие А.А. Пластова, могут сделать большое дело, как сделали в свое время это шестидесятники XIX века.

В. СЫСОЕВ

А. Пластов. Сбор картофеля. 1956

19 марта 2003 года в залах Российской Академии художеств на фоне выставки прошел вечер памяти Аркадия Александровича Пластова. Как и вернисаж он собрал большое количество почитателей таланта художника, представителей старшего поколения, знавших, общавшихся с Пластовым, и молодых, многие из которых открывают его только на основе полной экспозиции, охватившей весь творческий путь.

Вечер вел Е.И. Зверьков, представивший собравшимся семью Пластовых, он же дал слово ученому секретарю РАХ М.Курилко для открытия этого собрания.

Выступавшие делились воспоминаниями, в которых ярко раскрывались черты личности художника. Жена внука Пластова, Т.Пластова, сделала анализ творчества. Председатель СХ России В.Сидоров рассказал о своих встречах с живописцем.

Вечер закончился демонстрацией фильма о жизни и творчестве А.А. Пластова.

Ниже мы публикуем отрывки из выступлений В.Иванова и В.Сысоева.

В полотнах Пластова не только история многострадального русского народа, но одновременно все пронизано счастьем жить на земле России. На полотнах русский народ: мужики, бабы, старики и дети, вся сельская жизнь со всей ее живностью. Небо в облаках, земля в цвету, каждая травинка, каждая букашка радуется жизни. Появление имени Пластова с картинами «Колхозный праздник» (1937), «Колхозное стадо» (1938), «Купание коней» (1938) было воспринято как родниковый глоток в нашем искусстве. Его приветствовал Михаил Нестеров, Игорь Грабарь, Сергей Герасимов. Пластов нес с со-

бой художественную непосредственность, талантливость, одержимость, влюбленность в жизнь. Своими произведениями он решительно утверждал право на отражение в искусстве судьбы и жизни крестьянства. Вот на мой взгляд важнейшее его достижение. Это было не так просто. В советском искусстве крестьянская тема в то время утратила былую силу. Пластов вывел крестьянское направление в искусстве на передний план, как главное, наиболее плодотворное, глубокое и необходимое. Несмотря на то, что писались парадные портреты и, так сказать, «незабываемые встречи», но внутренний нерв искусства был уже там, где работал Пластов. Это произошло и в литературе. Деревенская литература стала наиболее полноценной, серьезной, народной. Без влияния творчества Пластова, его открытия крестьянского мира будущим творцам не обойтись. Новое поколение в его наследии открывает новые грани для яркой вечной темы народа, и всегда будет благодарно художнику, потому что в произведениях Пластова правда и безграничная любовь к земле, сердечная боль за нее. В Пластове есть совесть.

В чем сила русского искусства, русской литературы, кроме таланта самого по себе, я думаю, она в чувстве совести, так говорил Свиридов.

Мне представляется, вершинные вещи Пластова — это «Жатва» и «Из прошлого». В «Жатве» пейзаж один из лучших в русской живописи. Что равное в русском искусстве по проникновенности и верности изображения нашей природы этому полотну? Это «Рожь» Шишкина и «Грачи прилетели» Саврасова. И еще он выразил всю атмосферу войны и смену, преемственность поколений. Старик — уходящее и дети. В девочке уже видна русская женщина, парень, который пьет, — русский мужик в будущем.

Здесь ощущение возобновления рода, жизни, Пластов изобразил это потрясающе. Эта вещь, я считаю, одна из кардинальных в нашем искусстве.

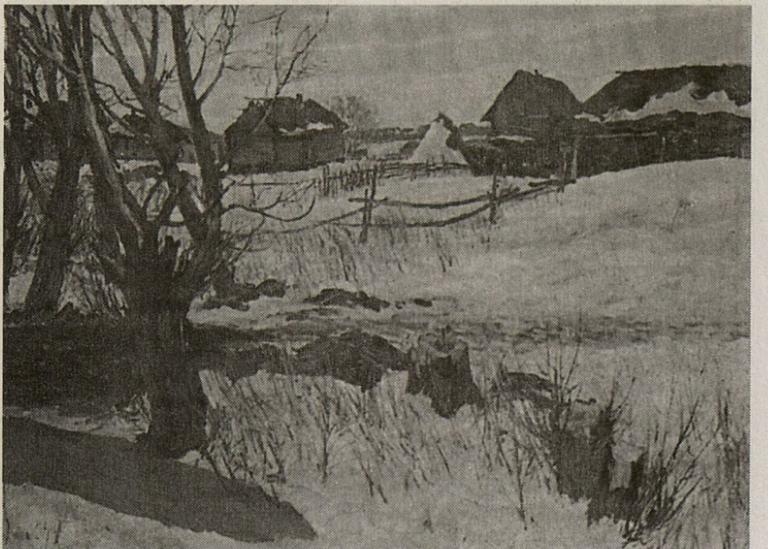
Я считаю, лебединая песня Пластова — «Из прошлого». Вся картина наполнена жизнью. Я бы сказал даже здесь перебор. Мужик наливает воду, чтобы напиться, женщина кормит ребенка, теленок сосет, корова ест. Такой перебор однозначных явлений, но, тем не менее, все получается убедительно живо, этот переизбыток сил, чувств впечатляет, восхищает... Какое же это чудо — жизнь!

Мне кажется, все творчество Пластова — восторг перед жизнью, божьим творением и это чувство так мощно выражено в произведениях художника, что имя Пластова останется в ряду великих имен мировой художественной культуры.

В. ИВАНОВ

Я вспоминаю вот такой же вечер, посвященный 100-летию Аркадия Александровича Пластова. В 1993 году, десять лет тому назад, к нему было совсем другое отношение. Я не хочу сказать, что лучше или хуже, оно всегда какое-то ровно положительное. Сегодня хочется его оценить совсем с другой стороны и на весах другого времени. Мне кажется, что это произошло с началом нового века. Страница нашей художественной и социальной истории перевернулась окончательно. Для молодого поколения искусствоведов его творчество — уже наследие. В контексте этого наследия и надо попытаться его оценить.

Верно говорят, что Пластов — наследник великой культуры XIX века. Я считаю, что XIX век русской культуры и XX век советско-русской культуры — это как бы две части единого целого. В советское время

А. Пластов. Зима. 1943-1944

А. Пластов. Полдень. 1961